

УРОКИ ШАЛЯПИНА

(К 120-летию со дня рождения великого русского артиста)

Независимая газета - 1993 - 18 февр. - с. 7.

Анатолий Агамиров

Юбилей

ФЕДОР ШАЛЯПИН. Из мемуарного художественного исследования «Маска и душа»: «Действительность, меня окружавшая, заключала в себе очень мало положительного. В реальности моей жизни я видел грубые поступки, слышал грубые слова. Все это натурально смешно с жизнью великого человека, но среда Казанской суконой слободы, в которой судьбе было угодно поместить меня, была особенно грубой... Глубоко в моей душе что-то необъяснимое говорило мне, что та жизнь, которую я вижу кругом, чего-то лишена. Мое первое посещение театра ударило по всему моему существу именно потому, что очевидным образом подтвердило мое смутное предчувствие, что жизнь может быть иною — более прекрасной, более благородной...»

Вот так. К театру великий Шляпин пришел не в последнюю очередь из протеста против окружавшей его пошлости. И невольно я вспоминаю два портрета Шляпина. Один знаменитый кустодиевский: в бобровой шапке с бархатным верхом на лубочном ярмарочном фоне. Ни дать ни взять — русский богатырь, проснувшийся после тридцатилетней спячки и сейчас же положивший надо всем взять верх. И взял. Но в глазах победителя, ясных, светлых, устремленность в мир, где несть ни печали, ни воздыхания... Другой портрет уже фотографический. Один из самых последних в Париже. Умирающий лев. Тяжелый недуг состарил, исказил лицо; в глазах смертельная боль и усталость. Они глубоко запали, но там, в бездонной глубине, — огонь. Его жар чувствуется сквозь фотобумагу. Пламя в любой момент может вырваться. Оно никогда не угаснет...

На днях я поставил пластинку и послушал «Не ведать Маше за реченьку ходить». Знаменитая запись Федора Шляпина. Одиноким неподражаемый голос, никакого хора балалаечников, никаких завыва-

ний цыган из парижского трактира «Петроград». И подумалось: сколько копий поломано — какая она русская песня? Как ее надо петь? Какой она была, есть и будет?.. Наверное, вымирает, как и вся русская деревня... И, ей-Богу, по-моему, ответ на эти сакраментальные вопросы знал только Шляпин и унес с собой в бессмертие. Знал, потому что был одним из самых умных после Пушкина людей в русской культуре. Талант его был столь мощным, что одной музыки, какой бы всеобъемлющей она ни была, просто не хватало. Здесь помогали чрезвычайная многогранность Шляпина, острейшая литературная интуиция, взгляд живописца, руки скульптора и опять же непрерывный внутренний пожар протеста против всего рутинного, обыденного, косного и великая жажда жизни. Неугасимый, пожирающий пламень совершенства. Его тишайшие ноты заставляли зал умирать заживо, а победоносный глас потрясал, возносил и делал души скорбные гигантскими.

В 1901 году он уже знаменитый русский бас, «взорвал» «Ла Скала», то обиталище вокальных богов, кое удивить в эпоху Баттистини и Карузо казалось просто невозможно. При этом Шляпин выступил в опере, заведомо провальной. В «Мефистофеле» Арриго Бойто. И не молодецким свистом в знаменитой арии потряс публику полуголый русский демон. Хотя, судя по фотографиям, скульптурно образ был гениален. Высшее достижение музыканта-исполнителя — среднюю музыку делать замечательной. Очень хорошую музыку иногда достаточно просто сыграть. А вот Шляпин ухитрялся из слабеньких романсов — скажем, Кенемана, Лишина, Слонова — делать полотна шубертовского масштаба. И к чему он ни прикасался, все обретало характер необыкновенного, доселе неслыханного, невиданного явления.

Шляпин пережил со всей Россией самые страшные, наверное, в ее истории поворотные годы. К политическим

взглядам Шляпина, к его мирозерцанию, как и у Пушкина (я в который раз прибегаю к этому сравнению), нельзя подойти однозначно. Дело не в сверхъестественной одаренности: реакция гениев на общественные сдвиги, какой бы она ни была, именно дух своего времени всегда отражает архетипично. И Шляпин пел «Марсельезу» на французском языке. Как же?! Подули революционные ветры. Французы — союзники против немцев. Да и кто не славил свободу? Это Шляпин возвел «Блоху» Мусоргского — Гёте до штормового вала национального протеста. Это он в душевных попытках царя Бориса заставлял трепетать либеральные сердца. И он первый понял, куда грядет Хам, предпринятый Мережковским.

Борьбу с оперной рутинной в большевистском отстойнике делать было нечего. Но тут началась трагедия, которую я очень хорошо понимаю, раздумывая о ней с позиций дней нынешних.

От многих своих знакомых, школьных товарищей, консерваторских, кои навсегда покинули Россию, я традиционно слышу: «Никакой ностальгии! Великолепные условия для работы. Все должно быть посвящено ей. И никаких отравляющих душу сантиментов». Так рассуждают люди способные, но во многом заурядные. А Шляпин был гений. Он и все лучшее в России, все Богом ей данное — синонимы. Поэтому Шляпин больше чем певец, больше чем актер, больше чем грандиозный музыкант. Он прекрасный символ русских возможностей. И как бы желчно ни посмеивался Бунин над «картинно-былинной удалью» Шляпина, он безумно любил его, как и все то, что пришлось оставить в России, и то, что в русскую жизнь никогда больше не вернется. Ностальгия Шляпина, Бунина — вселенское безумие. Она давала такие результаты, как «Жизнь Арсеньева», которую удостоили Нобелевской премии, или «Верую» Архангельского — потрясающую музыкальную исповедь, которую Шляпин записал с хором Со-

бора Александра Невского в Париже. Два вечных ностальгических памятника.

И для того чтобы не становиться на трагические котурны и немного сбить пафос, без которого о Шляпине и говорить-то невозможно, я приведу по памяти (для краткости, конечно) рассказ Константина Коровина об одной из последних встреч его с Шляпиным в России. Великий артист появился у своего ближайшего друга поздно вечером в мастерской на Мясницкой. Это было где-то поблизости от Чистых прудов. Произошло это на исходе зимы 1921 года. Шляпин в распахнутой шубе и ушанке (где кустодиевские бобры?) прижимал к груди громадную бутылку самогона, как выяснилось. «Костя! — гремел он. — Это мой гонорар! Костя, я пел на митингах у конных матросов!.. Костя, скажи мне Бога для, что такое конные матросы?» Коровин был сух и терпелив. Он разлил самогон по стаканам и коротко ответил: «Что такое конные матросы, я не знаю. Но в этой стране больше жить нельзя».

Сказано — сделано. Уехали. По крайней мере мы наслаждаемся чудесными записями Шляпина, которые произвели лучшие граммофонные фирмы мира. Сняли фильм «Дон Кихот» со специально написанной музыкой Ибера. Шляпин увековечен, как сказали бы сейчас, и «видео», и «аудио». Но осталась последняя фотография... Глаза в смертельной истоме и глубоко полыхающий в них яростный огонь. Они не просят хоронить себя на Новодевичьем кладбище, не нуждаются в ханжеском одобрении застойного официоза. Впрочем, это на совести людей, разрешивших разрыть парижскую могилу и разлучить в загробном мире тела мужа и жены.

Сейчас, спустя 120 лет после рождения Шляпина, мы не должны забывать о том, что живем по-прежнему среди «конных матросов». А нам нужна Россия шляпинской мысли, шляпинского масштаба, единственная, любимая, права она или нет...